[illegible]-й год издания № 18

СМЕХАЧ

ИЮНЬ 1925 Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-88-80 Цена 25 коп

МЕДИЦИНА В ДЕРЕВНЕ

На лесозаготовках Севзаплеса в Череповецкой губернии медпомощь никуда не годится. Имеется фельдшер, участок которого распространяется на территорию в 1.664 кв. верст с населением 7.700 человек. „Труд", № 126).

Рис. Б. Антоновского

— Ты, Митревна, присядь на скамеечку-то. Должно, обождать придется...

СКАЗКА ПРО БЫЧКА

(И даже не сказка!)

Таковы уж человеческой жизни кондиции:
Так тебе—розы, а этак—тернии...
Дозвольте рассказать про начальника милиции
Спасского района Омской губернии.
Хоть он может и мое разыскать местожительство
И наделать мне много плохого-вредного,
Но—да будет надо мной святое покровительство
Заступника поэтов, Демьяна Бедного!

Конечно, с ружьишками—опасны шашни.
Про крестьянские ружья—всякие кривотолки.
Но как показаться безоружным на пашне,
Коли Спасский район одолели волки?
Чтобы против волков удержать позиции,
Без ружья невозможно—с ружьем достовернее...
Да уж больно строгий начальник милиции
В Спасском районе Омской губернии!
Отбирает ружьишки: хоть с огнем их потом ищи!
Отобрав же и выдав надлежащие квитанции,
Отсылает их в Спасский Комитет Взаимопощи
(Ведь в законе не указано никакой инстанции!)
Взаимопомощь—известно, что она за штука!
От нее—не мало для крестьянства хорошего!
Натурально—известие:—„Касатики! Ну-ка!
„Налетай на ружьишки—продаем за-дешево!"
Конечно с ружьишками—опасны шашни.
Про крестьянские ружья—и без того кривотолки.
Но как показаться безоружным на пашне,
Коли Спасский район одолели волки?
На дешевые ружья налетают касатики.
Узнают знакомые. Выбирают привычные.
(Ничего, что потом Митродоры да Катьки
Изощряют в частушках голоса свои зычные!)
На неделю—удержаны против волка позиции.
На неделю—спокойнее досуги вечерние.
А затем является начальник милиции
Спасского района Омской губернии.
Отбирает ружьишки (хоть с огнем их потом ищи!)
Это—у Петрова, а то—у Степанова,
И сдает их в Спасский Комитет Взаимопомощи...
И опять канитель вся начинается заново!
Взаимопомощь—известно, что она за штука!
От нее не мало для крестьянства хорошего!
Моментально известие:—„Касатики! Ну-ка!
„Налетай на ружьишки—продаем за-дешево!"
Снаряжают крестьяне Евстигнея Горелова:
—„Он, мол, выберет ружья...Мужик согласный!"

Это было-бы историей про бычка про белаго,
Да бычок-от товарищи, на этот раз красный!

А. д'Актиль

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Рис. В. Лебедева

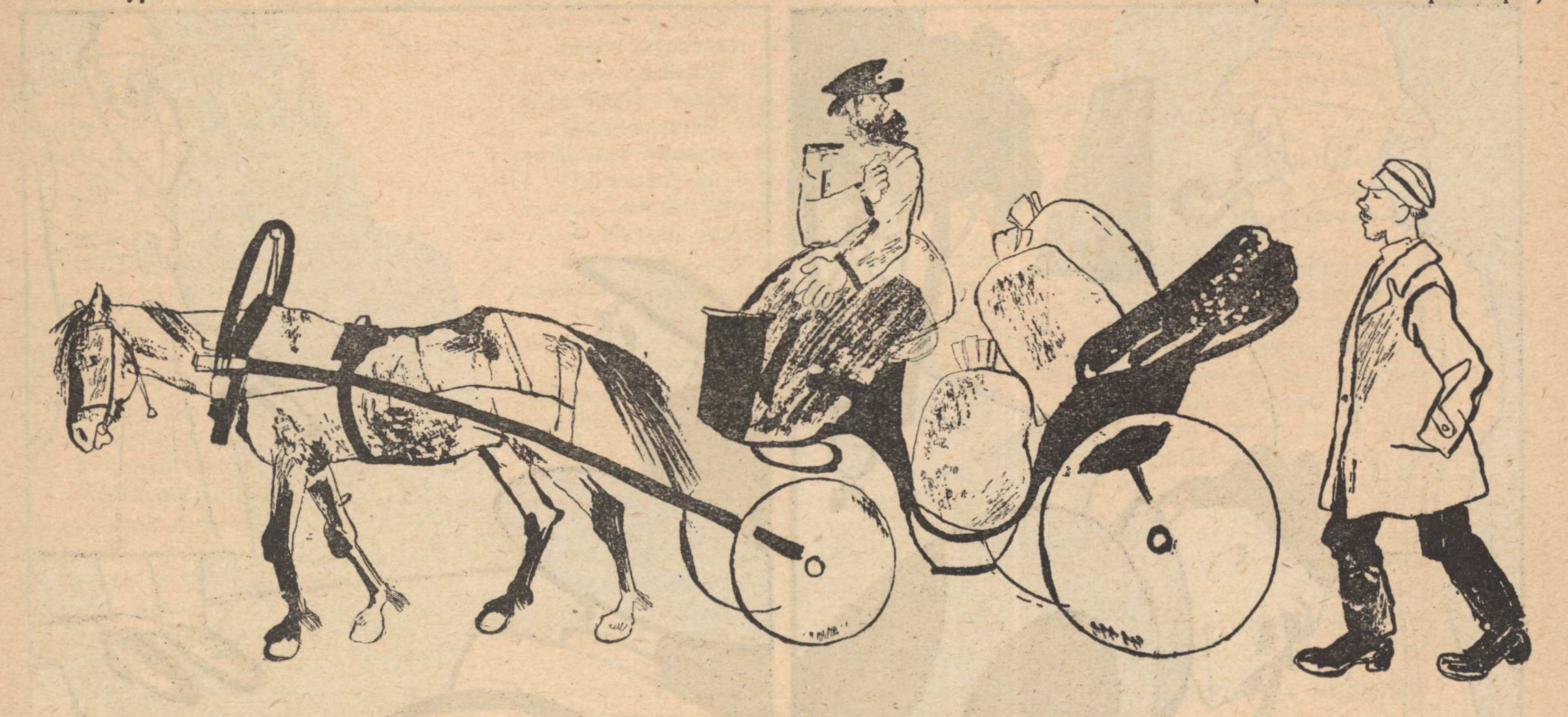

Эта привыкла жить на широкую ногу. А эта — наоборот.

ИЗВОЗЧИЧЬЕ ЖИТЬЕ

Рис. Г. Эфроса

— Овес-то нонче 2 рубли пуд...
(Из извозчичьих разговоров)

— Чего везешь-то, Арсений?
— Ничаво!
— Как ничаво? А это что? Не овес, что-ли?
— Тише, чорт, лошадь три дня не жрамши!

НА ПЛОЩАДИ

(Совершенно московский рассказ)

Я еще не начал рассказывать, а вы уже меня тормошите: на какой площади? Конечно, не на Свердловской (бывш. Театральной) и не на площади Революции (бывш. Воскресенской). Просто—на московской жилой площади...

Вы опять перебиваете: на какой улице, в каком доме, в какой квартире? Дайте же, наконец, приступить к рассказу. Ведь я не анкету заполняю. Ну, какая разница, на Арбате, или на Маросейке, в доме № 7 или 27? Вы успокоились? Отлично! Слушайте.

Недавно жена мне говорит:

— Я хороший сон видела. Пришел, будто, управдомом и сказал:

— Мы вам дадим комнату Митрофана Сергеича...

А та комната на шесть кв. аршин больше. У нас 24 арш., а там — 30. Это не шутка, конечно. Я говорю жене:

— Как не стыдно в старорежимные глупости верить—в сны, предчувствия и прочее такое. Ведь ты компрометируешь меня, старого члена союза (с 22-го года).

Жена, правда, не возражала. Она привыкла уважать мой авторитет. Но, представьте себе, ведь сон был вещий!

Комнаты нам, конечно, не переменили,—где там! Но жить стало легче— куда! Слушайте. В нашей квартире живут четыре семьи и трое одиноких. Одиноких, пожалуй, и считать нечего—их целый день и не чувствуешь. Чувствуешь их только по утрам, когда вся рабочая сила квартиры (служащие все) стоят в живой очереди возле уборной. Понятно, занятия начинаются в 9 ч., каждый торопится. Ну, а затем целый день одиноких редко когда увидишь.

Другое дело—семейные. Мужья, правда, уходят на службу. Но остаются жены, дети, прислуги. Из четырех семей только мы прислуги не держим. Где там прислугу держать, когда 63 р. в месяц получаю! И с раннего утра все живое, что есть в квартире, толпится на кухне. Стоят плотно, как в церкви, или на общем собрании, когда ставки обсуждаются. На большом столе хором гудят четыре примуса. Вокруг каждого примуса живописная куча. Тут продукты всевозможные, чашки, тарелки, ножи, ложки и прочее такое. И к каждому примусу жмется живая сила— собственница его, ее прислуга, дети. И все говорят. Это не на собрании, где члены союза записываются и получают слово по очереди. Здесь говорят все сразу. Собственно, не говорят, а кричат, стараясь покрыть зверское шипение примусов. Если привести на кухню слепого, я уверен, он скажет: „здесь пожар или кого-то режут".

Зачем женщины целый день торчат на кухне? Убейте меня, если я знаю. Мы, сознательные члены профсоюза, имеющие понятие о производстве и производительности труда, о всякой работе судим, конечно, по результатам. Когда в 6—7 часов приходишь со службы и видишь на столе эти результаты—жидкое „первое" и тощее „второе"—думаешь поневоле: какая наша страна отсталая! Какая низкая у нас техника!

Но это только к слову. Техника не имеет никакого отношения к моему рассказу. Когда приходишь со службы и видишь потную жену, как труп лежащую на кушетке, как ее не пожалеешь! Черт с ними, с результатами, но она ведь восемь часов работала! И в какой обстановке!

Жена, естественно, жалуется. Ну, а я разве могу ей помочь? Что мне—особняк дадут?..

Слушайте, не перебивайте. Прихожу однажды со службы, а жена мне говорит:

— Знаешь, вся квартира уезжает на дачи.

— Неужели вся?—спросил я недоверчиво, не зная, собственно, к чему жена клонит.

— Одинокие остаются, но все три семьи уезжают...

— Но ты ведь понимаешь, — говорю я,—что нам о даче думать не приходится, не по карману.

— Да я о даче и не думаю... Я теперь и здесь отдохну.

Так и есть. Все три семьи уехали на дачи. И я вам скажу: живем, как в раю. По утрам возле уборной никакой очереди, идешь безпрепятственно, как на бульвар. Но, главное, жена ожила. Она на кухне одна, как королева... тьфу, как жена нашего главного бухгалтера. Наш главный бухгалтер, вы знаете, особнячек имеет в Лосино-Островской. Прихожу домой, жена уже не лежит, как труп на кушетке. Она сияет. И рассказывает мне:

— Ты вообразить не можешь, как приятно быть на кухне одной. Я закрываю глаза (если на примусе вода греется) и прислушиваюсь к нежному шипению нашего единственного примуса. И кажется мне, что я нахожусь в большом зале консерватории на симфоническом концерте...

Я, конечно, сознательный член профсоюза. Я понимаю, что сны, предчувствия и прочее такое—одни старорежимные глупости. Но, что ни говорите, а сон был вещий!

А. Прохожев

СТРАННАЯ ВЕЩЬ

— Чорт его знает, бывает-же вот „неделя беспризорного", „неделя студенчества", а как отдых, так всего только—день отдыха!

Рис. Л. Бродаты

ВОПРОС ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Европейцы всегда отзывались с презрением о китайских церемониях.

Почему-же они возмущены, что Китай начал наконец действовать без церемоний?

„СЕРДЦА ТРЕХ"

(Англо-китайский анекдот)

В одном из кафэ иностранного квартала в Шанхае сошлись три иностранца. Зашел вопрос о религии.

— По моему лучшая религия для китайских масс—это протестантская церковь,—сказал американец.—Мы ввезли за прошлый год 2500 миссионеров.

— Вы жестоко ошибаетесь, сын мой,—осторожно вмешался в разговор толстый французский патер,—только святая равноапостольная католическая церковь может обратить китайцев на путь истины. Мы послали в Китай свыше 5.000 францисканских и доминиканских монахинь для проповеди слова Божия среди варваров.

— Вы оба неправы,—коротко отрезал собеседников, безукоризненный, белоснежный англичанин,—самая лучшая религия—*опиум* для народа! Правительство его величества ввезло в 1924 году в Китай свыше 10.000 тонн первоклассного опиума!!

Ф.

ЧИСТАЯ ЛИРИКА

Итальянская палата одобрила законопроект, устанавливающий для наследного принца ежегодное содержание в 2.000.000 лир.

(Из газет)

Если бы не принцип,
Да не ударенье—
Нищий лирик в принцы-б
Дернул без сомненья!

Лир два миллиона!!
Рассуждая строго,
И у Апполона
Не было так много.

Ах, когда бы только—
Пусть хоть на мгновенье!—
Инструментов столько
Дать мне во владенье!!

Вынув их из торбы,
Я, ни ждя и часу—
Мокрый нос утер-бы
Русскому Парнасу.

Но суровый принцип
Подсекает крылья:
Не пущает в принцы
Князева, Василья.

И в Москве поэты
(Поглядите сами!)—
Тычутся в газеты
Мокрыми носами:

„Соплей—
На 100 рублей,
А девки не любят!!"

Василий Принцев

ПЯТНАДЦАТЬ И ОДИН

В вагоне сидело пятнадцать человек, пятнадцать граждан — тонких и толстых, блондинов и брюнетов.

Одни устроились возле раскрытых окон и жадно дышали, другие с покорностью обреченных, обливались потом.

Шестнадцатый вошел и разом нарушил тоскливое молчание вагона.

Шестнадцатый — был газетчик. Он закричал, непринужденно, будто у себя дома:

— Нов-вая газета! События в Китае...

Пятнадцать продолжали своё: дышали сидевшие у окон, и страдали все остальные.

Казалось никто не обратил внимания на вошедшего.

Но тот не унывал. Если граммофонная пластинка вертится, а игла скользит по её колеям,—из трубы звуки идут своим чередом.

— В Индии бас-туют 40.000 железнодорожников... Лорды усилили травлю против СССР! Газеты банкиров требуют высылки из Англии тов. Раковского...

Он покосился на пассажиров, продолжавших относиться безразлично к его присутствию.

— Американские миллиардеры покушаются на независимость Мексики. Доклад тов. Каменева в Тифлисском горсовете...

Один из пассажиров потянулся к карману, и газетчик сделал предупредительное движение в его сторону, приготавливаясь подать номер.

Но нет: пассажир извлек из кармана железнодорожный билет, повертел в руке, и успокоенно сунул обратно.

— Новый триста...миллионный заем!— не снижая голоса, настойчиво выкрикивал газетчик.

Толстяк пассажир встретился с ним страдающими, потными глазами, прошедшими насквозь, как игла через бумагу.

На мгновенье газетчик запнулся и заглянул в газету, словно в шпаргалку.

— Кош-мар-ное преступление: труп женщины в корзине...

И вдруг картина изменилась.

Двенадцать в один голос сказали:

— Газетчик! Дай-ка сюда.

В следующую минуту двенадцать торопливо шелестили газетами, разыскивая труп.

Только трое не взяли газету.

Но два из этого числа расчитывали прочитать любопытную заметку на-даровщину, заглянув сбоку в газету соседа. А третий?

Третий, купил бы,—знай он о трупе в корзине. Труп стоит пяти копеек.

Но, увы!—с самого рождения он, этот третий, был безнадежно глух на оба уха.

Ив. Прутков

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ

— Послушайте, если вы мне будете надоедать, я вас быстро поставлю на место!

— Очень благодарен буду, как я уже полгода безработный.

ЦВЕТЫ ЖИЗНИ

В ближайшее время в Москве на Свердловской площади, на большой клумбе Свердловского сквера, будет сделана художником Баженовым из цветов картина, изображающая различные трудовые процессы.

Рис. Н. Радлова

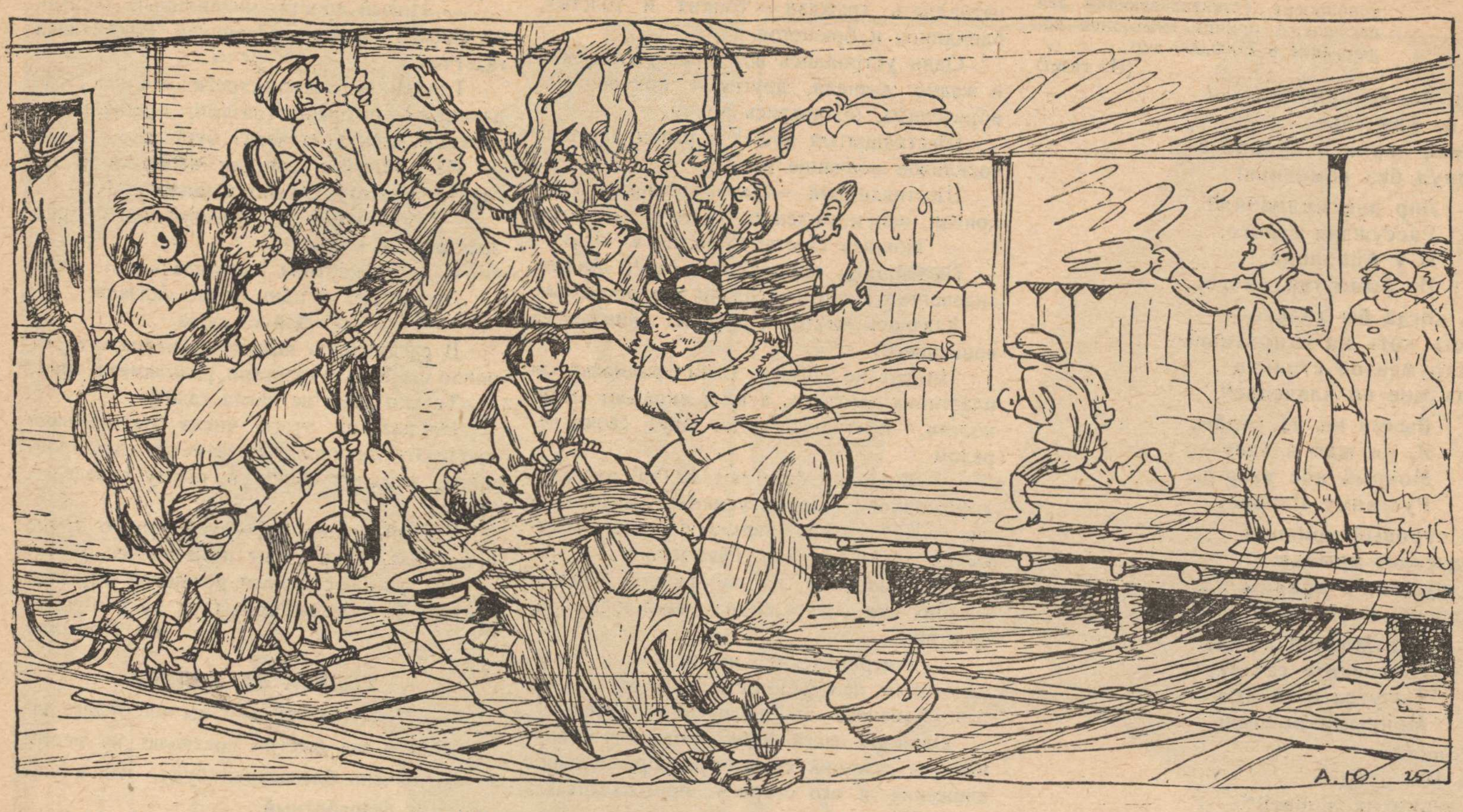

— Что это у вас на клумбе слева такое? Вон, где одни розы по всему полю пущены...
— А это, гражданин, производительность труда изображена. Потому, как в ей шипов больно много!

ОПТИМИСТЫ

(Дачная разновидность.)

Рис. А. Юнгера

— Вечно ты торопишься на поезд! Вот видишь—и достали места!

ГОСТЬ

Домна дергала мужа за бороду.

— Вставай, слышишь, вставай... Егорушкин к нам идет.

Толчком Савелий поднял голову.

— Какой Егорушкин?

— Какой, какой... Сельсоветовский.

Савелий спустил с лавки ногу и пригнулся к окошку: молодой сухопарый мужик шагнул за порог калитки во двор.

— На кой кляп тычется? — подумал Савелий. — Из каких делов?

Дверь жалобно завизжала, и в избу ступил Егорушкин.

— Здорово, Савелий. Как живешь, хозяйствуешь? Видал, баню новую ставишь?

— Ставлю,—разодрал зевком рот Савелий.—Старая-то струхлявилась, пару не держит.

— Без пару мужику нельзя,— сказал Егорушкин и ухмыльнулся неизвестно чему.—А я, брат, в гости к тебе.

— В гости?

— Аха. Небось, удивительно тебе?

— Удивительно,—поглядел Савелий в пол.—Если-б праздник, а то будень...

— Ну-к что-ж, в праздник рази обойдешь всех... В гости, в гости я, ставь, брат, угощение, принимай... Самокурки, брат, ставь.

— Это можно,—сказал Савелий, подымаясь,—счас бабу пошлю. Своего-то не курим.

— Не куришь?

— Не, не курим, у других берем.

Савелий вышел в сени, пошептался с Домной и через полчаса на столе появилась бутылка самокурки с холодной картошкой в закуску. Егорушкин пил быстро, словно куда торопился, а когда опрокинул бутылку вверх донышком, сливая последнюю каплю, то еще и обиделся.

— Что-ж ты,—сказал он,—водой потчуешь? Дерьмо, а не самокурка, не разбирает, стерва, вовсе... Становь, брат, еще, да позлее, чтоб дух заперло.

За второй бутылкой Егорушкин потребовал третью и ушел порядком пьяный. Лукаво ухмыляясь, Савелий глядел ему вслед.

На завтра Егорушкин опять пришел—да не один, а с секретарем и кооперативным председателем.

— А мы к тебе в гости,—сказал Егорушкин как ни в чем не бывало.—Веселый ты мужик, Савелий, скучаю я об тебе. Ставь, брат, кряду четверть, не сквалыжничай.

— Можно,—вздохнул Савелий,—счас я смотаюсь... Сами-то не **выкуриваем.**

Секретарь хитро прищурился.

— Не выкуриваешь?

— Не, машину не имеем.

Гости выпили с полведра, и секретаря пришлось вести домой под руки, а пьяный Савелий все топтался перед Домной.

— Теперь у нас все начальство куплено, — хвастался он, — чуешь, где теперь начальство-то?

Савелий растопырил закорузлые пальцы и медленно сжал в кулак.

— Вот оно, где у меня начальство-то!..

На следующий день Егорушкин опять пришел и начал ходить каждый день, да все не один, а с приятелями. Самокурки выпивали лошадиной мерой. В воскресенье, когда сели обедать, Домна случайно глянула на улицу и чуть не выронила из рук горшок со щами: Егорушкин вел к воротам целую ватагу мужиков.

— Да что-же это, прости господи!—ахнула Домна,—полдеревни ведет и самых пропойцев!.. Один Митька Корявый ведра два выхлюстит.

А Егорушкин уже входил с мужиками в избу.

— Здорово Савелий!—бодро сказал он.—В гости я к тебе с канпанией по случаю праздничка.. Уж очень ты веселый человек, скука без тебя. Угощай, брат, не жмись, ставь самокурки.

Савелий стоял, насупившись Потом молча вышел в сени, кряхтя, внес самогонный аппарат и поставил посередь избы.

— Обирай—покосился он на Егорушкина—обирай машину,— не желаю курить... Один раззор с тобой, знаем мы, для чего ты по гостям-то тычешься. На-ка, читай.

Савелий достал газету и ткнул пальцем в заметку:

> Новый способ борьбы с самогоном изобрел председатель половинского сельсовета (Омской губ.). Появится самогонщик— он к нему каждый день заходит. Пьет и не платит. Приятелей своих поит. В конце-концов самогонщик видит, что овчинка не стоит выделки и бросает.
>
> Вездесущий

К. Мазовский

ПОСЛЕ 1001 СОСТЯЗАНИЯ

— Ну, как, Вася, нравится тебе легкая атлетика?

— Да ничего. Атлетика то легкая, а тольно иной раз увечья после ее тяжелые бывают!

ГУБЗДРАВ И КУЗЬКИНА МАМА.

(Стихи в областном масштабе)

В Ленинграде при рабочем патронате Центрального района создано санитарно-техническое бюро Губздрава и Облзема. Бюро взяло на себя всю работу по борьбе с вредителями в Ленинграде и губернии.

Бюро начало борьбу с блохами в театрах, кино и клубах.

У Кузькиной матери затряслись поджилки,
Испугалась мама: что за напасть?
Забегали „совки“, „жучки“ и „кобылки“,
И хором крыли советскую власть.

* * *

Прибежала мама к сынишке в обитель—
Сидит Кузька во ржи, потихоньку ест.
— Плюньте мамаша, как я есть вредитель,
Не могу на работе поставить крест!

* * *

Понеслась молва о грядущей расправе
Вдоль-поперек крестьянской земли.
Не имея никакой заручки в Губздраве,
Вредители дружно на труд налегли:

* * *

Кто ел десятину по вредительской норме,
Получил задание „обработать“ три.
Кузькина мама в наилучшей форме,
Работала с сыном с зари до зари...

* * *

А в городе вопрос всесторонне долбили,
Губздрав с Наркомземом... Подовляя вздох,
Сидели, слушали, постановили:—
Начать истребленье... с сев-зап-кино-блох!

* * *

Мишка сказал расфуфыренной Нюре:
— Не ерзай, дура, блоха не шалит.
На экране плыли берега Миссури,
И бандита зоркий стерег бандит.

* * *

А в тот же час, когда шла кино-драма,
На узкой меже, средь обглоданных мест,
Сказала Кузьке Кузькина мама:—
Губздрав не выдаст, а Кузька съест!..

* * *

Поэма-ли драма-ли, песня-баллада—
Не в этом, граждане, поэзии суть:
По нынешним временам и поэту надо
Уметь при случае дураков лягнуть!

Александр Флит

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Рис. Н. Радлова

Наркомфин СССР. разрешил выпускать в продажу водочные изделия в посуде емкостью в 1/100 ведра.

— Ах, т...ты, моя крас...сотка!..

МЫСЛИ ВСЛУХ

— Не место портит человека, а власть на местах.

— У каждого большого портфеля есть своя маленькая тайна.

— Волокита — единственная болезнь, неизлечимая на советском курорте.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ

— Как у вас зарплату выдают: в конвертах, в баночках?

— Всяко выдавали: и в баночках и в конвертах, а все одно народ по старой привычке в бутылку ее спускает! Ээээх!

ВРАГ КАНЦЕЛЯРЩИНЫ

Рис. В. Лебедева

Не подлежат приему в платежи и обмену такие купюры, которые не составляют 3/4 целого билета. Поврежденный червонец должен сохранить, по крайней мере, один из двух номеров, а также одну из двух серий и не менее 3 подписей членов правления Госбанка.

— Этот червонец не годен: на нем осталась только одна подпись.

— Э! Бросьте канцелярскую волокиту! Мало с вас одной хорошей подписи!?

ЗАГОРЕВШАЯСЯ ШАПКА

Пригородный поезд уже тронулся, когда Захар Кухаркин,—делегат одного из месткомов, вспомнил, что он не сдал пятидесяти союзных рублей. Кухаркин прощупал в кармане бумажник и сказал самому себе:

— Ладно уж. Завтра возвращусь в город и сдам.

И как раз в этот момент в конце вагона раздался крик:

— Сивв-воднишни газ-зеты! Сив-воднишни газ-зеты!

И Кухаркин, и сидевший напротив него пассажир, разом хватились за карманы.

— Чорт подери!—сказал Кухаркин,—забыл газету!

— Представьте себе и я тоже! Надо взять.

— Газетчик!—позвал Кухаркин,—дай-ка номер!

Получив газету, он достал бумажник, дал рубль, получил сдачу и только тут вспомнил, что заплатил союзным пятаком.

— Не беда,—решил он,—приеду домой и покрою этот пятак.

Сосед тоже купил газету, тоже достал бумажник, тоже дал рубль и тоже, спрятав сдачу, поморщился, — очевидно, что-т вспомнив.

Они раскрыли газеты и сразу же отложили их в сторону, заинтересовавшись стуком колес вагона об рельсовые стыки.

— Тра-та-та,—пели колеса,—рас-тра-та, рас-тра-та, та-та-та...

— Удивительно противно стучат колеса,—бросил Кухаркин.

— Да, неприятно,—согласился попутчик,—или мы раньше не обращали внимания на их стук, или сегодня они особенно разошлись.

— Просто нельзя сосредоточиться!

... Тра-та-та!.. Рас-тра-та!.. Рас-тра-та!.. Та-та-та!..

Кухаркин весь переморщился и со злостью посмотрел на своего попутчика, склонившего голову и точно замершего от этих противных звуков.

— И охота вам слушать,—бросил он,—безобррразие, а не вагон!

— Замечательно, — протянул попутчик,—удиввительно! К сожалению, не будучи с вами близко знакомым, я не могу всего сказать, но совпадение чрезвычайное!

— Ах, и у вас совпадение!

— Ну, конечно же, конечно! Вы слышите эту песенку? Рас-тра-та... рас-тра-та.

— Премерзкая песенка! Ну, отлично, ну, рас-тра-та!.. Чего же тут в восторг приходить?

— Да я то только что, союзный пятак загубил и сразу же тра-та-та́, рас-тра-та́.

— Может быть, у вас нервы лучше моих, но я не могу этого слушать. Я перейду в другой вагон.

— А что же, пожалуй и я не прочь. Кстати, здесь очень накурено.

Остановка была через пять минут. Они вышли на платформу, купили у мальчика по пачке папирос и сели в соседний вагон.

Поезд тронулся. Они раскрыли газеты, но как только ухо привыкло к чужим голосам, они услышали:

— Ах, Маруся, у тебя совершенно нет слуха! Слушай этот мотив, слушай, как я буду отбивать такт: раз-тра-та, два-тра-та, раз-тра-та, два-тра-та.

— Подумаешь,—растрата́, — прошипел Кухаркин,—за двугривенный папиросы!

— Вы очень изменились в лице,—сказал попутчик,—пойдемте лучше от этих мотивов в другой вагон.

В соседнем вагоне они заплатили по три рубля штрафа за переход из вагона в вагон на перегоне и попробовали поднять с дивана лежавшего пассажира.

— Я не-е-е мо-о-о-о-гу встать, – запротестовал отчаянно заикаясь пассажир,—у мееееня рас... с... с... стр... р...

— И у вас?—рявкнул Кухаркин.

— ... стройс... ство ж... ж... же... желуд...

Кухаркин скомкал газету и отошел к окну. На его плечо легла рука попутчика.

— Гражданин,—мягко сказал он,—было три предупреждения. Не довольно-ли? На следующей станции поезд стоит десять минут и там есть почтовая контора,—давайте растратим еще по пятиалтынному, но переведем по почте оставшиеся деньги в свои союзы?

* * *

Дальше они ехали веселыми и обновленными

— Поют шельмецы,—мечтательно тянул попутчк, — слышите, тра-та-та, вышла кошка за кота...

— Удивительно приятная песенка,—согласился Кухаркин,—замечаете, как она успокаивающе действует на нервы... за кота... за ко-та... за ко-тиш-ку за ко-та...

Евграф Дольский

ДОРВАЛСЯ

Из сидящих на скамье подсудимых растратчиков, большинство такие, у которых на руках случайно оказались большие доверенные им суммы.

(Из газет)

Когда то он с большим размахом
Любил сыграть, любил кутнуть.
Потом—Октябрь,—и жизнь под страхом.
Без средств, по норме, как нибудь.

Но быт всегда не без уродца
И тепленьких не мало мест:
Ловкач куда нибудь вотрется—
На фабрику, в Госорган, в Трест.

А тут, кругом, соблазнов масса.—
Притоны, бары, казино...
И на руках случайно касса,
Где столько денег!.. Решено!

И вот рука сгребла валюту,
Забыты совесть, долг и честь.
Пожить, как встарь, хотя-б минуту!
Как встарь пображничать, поесть!

Осатанеть в разврате грубом,
Чтоб сердце грязью затекло.
Потом всю ночь потеть по клубам,
Остатки ставя на табло.

И, наконец, изгадив душу,
Предав страну, сгубив семью,
Метнуться всей обмякшей тушей
На эту жесткую скамью...

Дм. Цензор

Рис. Н. Р

БРАК

Тесная хатка дедушки Власия полна народом.

От табачного дыму и людских испарений дымно и душно.

Все с напряженным вниманием слушают мудрого грамотея-избача Власия, благовествующего о последних газетных новостях.

Время от времени его прерывают, задают вопросы,—Власий толково и обстоятельно отвесит ответ и—черпает дальше.

Гулко и раскатисто отзванивает за статьей статью, наслаждаясь своим сладким голосом и благоговейным вниманием слушателей.

Но вот дошел он до производственного отдела, прочитал заглавие статьи и поперхнулся.

Помигал. Второй раз прочитал:

„Борьба за понижение брака".

— Гм-гм!..

Снял запотевшие очки, протер их, крякнул, пододвинулся ближе к коптилке и с еще большим недоумением пробурчал:

„Борьба за понижение брака".

— „Что за дьявольщина?" - подумал он.

Украдкой глянул через очки на притихших слушателей. Молчат. Значит ничего. Сыплет дальше:

— ***Райком решил ввести оплату за***“...—кхе-кхе!—***„за брак лишь в тех случаях, когда брак произошел не по вине рабочего, а***“...

Позади мужики непристойно фыркнули.

Девки стыдливо потупились

Бабы, нахохлившись, приняли оборонительную позу...

Дед Власий, чувствуя смятение своей аудитории, поспешил с разъяснением:

Дык оченно просто, граждане. Советская власть, идя, значит, навстречу пролетариату и защищая, собсно, его интересы, всякую плату за брак отменяет. Но в то же время ставит якобы в непременнейшее условие, буде таковой произойдет, но не по вине мужской личности, а женского индивида, то оная особа в виде штрафа што-ли оддувается за все расходы за брак по совокупности...

— Вот это дело! А то совсем наши девки избаловались...—одобрительно загудели мужики.

— Ну, и вы тоже хороши... Чья бы корова мычала, а ваша молчала!—отгрызнулась за всех одна бойкая девица.

— Тише! Дайте дослухать... Залузыривай, Власий Макарыч!

Макарыч сердито крутнул кверху ехидно подмигивающий фитиль и с остервенением забубнил дальше, нажимая на каждое слово:

...— ***„Чтобы понизить процент брака, решено ввести также метод премирования за каждое достижение в этой области***“...

Он остановился, чтобы перевести дух и—нечаянно взглянул на окружающих.

Десятки глаз следили за ним враждебно и злобно...

Власий еще более смутился и продолжал ослабевшим голосом:

— ***„И повести безпощадную борьбу***“...

Бабы не вытерпели и закудахтали.

Мужики, передразнивая, заулюлюкали.

Позади что-то треснуло, зарычало.

Старухи, набожно открещиваясь, испуганно шарахнулись к выходу.

Покрывая все голоса, воинственно протиснулась вперед деревенская задириха Лукерья, и прежде чем кто-либо успел опомниться, она вырвала из рук оторопевшего старика газету, скрутила ее жгутом и—давай поливать его по салазкам:

— Вот тебе, вот... старый блудник, беспутный читака... Не смущай, не совращай... Дожил до седых волос, а такую срамотину... тьфу!..

С. Савельев

ДВЕ ГОЛОВЫ

В Париже показывается собачка Зу, легко и безошибочно производящая сложение не только десятков, но и сотен.

Прочитав сии слова
В дальнем Саблине, на дачке,
Мой сынок, из класса А—
Позавидовав собачке,
Молвил:—„Ну и голова!!!“
И, марая нос пером,
В замусоленной тетрадке
С преогромнейшим трудом
Начал складывать... десятки.

ВК

Рис. Б. Антоновского

XX-ый ВЕК, ЧОРТ ВОЗЬМИ!

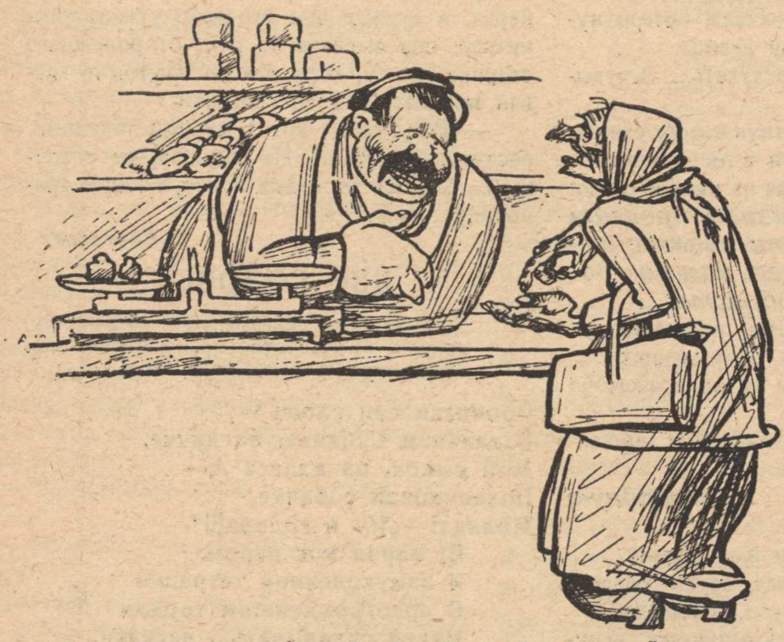
— Глянька, Митька, это не журавли с юга?

— Во первых, не журавли, а ероплланы. А во вторых не с юга, а на восток. Эх, тятька, не следишь ты за авиацией!

МЯГКИЕ ЛЮДИ

В обращении снова появились фальшивые двугривенные, чрезвычайно хорошей выработки, схожие по цвету с настоящими монетами. Отличаются они от настоящих монет только большой мягкостью сплава и тупостью звона (Н. В. Г., 67).

Рис. А. Юнгера

— А что, случаем, двугривенный не фальшивый: кажись мягкий сплав у него?

— Насчет сплаву не изволите беспокоиться: которую сотню уже сплавляем и ничего!..

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ОТМЕНА ЗАГРАНИЧНЫХ ПАСПОРТОВ—

осуществлена в Сибири. Томская газета „Кр. Знамя“, печатает следующее удостоверение, выданное Павловским Сельсоветом:

> *„Предъявитель сего Федор Петров можить ехать куды ему будет завгодно“.*

Захочет Петров в Марокко ехать—с нашим удовольствием! В Африку, в Австралию—сделайте ваше одолжение!! Тот же Павловский Сельсовет посылает в Р. И. К. (Районный исп. ком.) собственное метрическое свидетельство:—

> *„При сем предоставляем сведения о рождении сельсовета и убыли скота“...*

По слухам РИК не очень возрадовался:—Уж больно глупый сельсовет у меня родился, и в кого пошел—неизвестно!

КУЛИКИ НА БОЛОТЕ

Черносотенный „Руль“ не сможет успокоиться при мысли о том, что „Русское Дело“ гибнет не только в России, но и... в Китае, а именно на Китайско-Восточной железной дороге, а гибнет оно вот почему:

> Будут приняты решительные меры советизации школ на дороге. Об этом прямо заявил в своих беседах начальник учебного отдела, Странно, что китайские члены правления, повидимому передали учебное дело в полное распоряжение коммунистов. Это еще более странно потому, что по сведениям китайских газет в Пекине, в настоящее время вырабатывается проект об усилении кары за коммунистическую пропаганду и агитацию. В северной же Манчжурии будут насаждаться школы, где русские дети будут воспитываться в духе коммунизма.

Бедный „Руль“, думал хоть за железную дорогу ухватиться— и ту выхватили, остается идти по шпалам прямо в Берлин, на подобие прогоревших актеров.

Антреприза лопнула. Труппа распускается. Скатертью дорога!

ОПЕРЕТТА В КРЕДИТ

Предлагается вниманию жителей Томска:—

> Большой Гостеатр Музкомедия.
>
> Новинка столичных театров
>
> **КОРОЛЕВА ЭКРАНА**
>
> музком в 3 д., муз. Ж. Жильбера, русск. текст Евг. Геркена.
>
> Билеты продаются. *Кредит допускается.* Подробности в программах. Начало ровно 9 час. веч.
>
> Главный режиссер П. И. Макаров.
>
> Директор Театроупр. М. К. Вулконский. Уполн. Л. Г. Мираев.

Не полагают-ли заправилы Томского Гос. Театра, что это и есть лучшая форма рабочего кредита?!

40 ЛОШАДЕЙ, 8 ЧЕЛОВЕК, И... ВАГОН БУТЫЛОК

Простите, граждане-читатели, но не по нашей вине въехал на страницу багажный вагон, груженный пустыми бутылками! „Красный Николаев“ рассказывает о прибытии в Николаев одной железнодорожной комиссии:—

> К станции Николаев подкатили 6 роскошных спальных вагонов с *багажным, в котором были батареи бутылок от напитков.* Комиссия состояла из 30 человек, не считая женщин.

А дальше, что? А дальше:

— Не находит-ли НКПС, что эта батарея слишком тяжела и ее следует убрать с позиций?

ХРЯСЬ—КУЛЬТУРА

Есть и такая—в Мерефянском спорткружке.

По словам „Харьковского Пролетария“

> В Мерефянском спортивном кружке есть такой игрок — некто Дурноступ, который умудряется *забивать голы... ребятишками, нечаянно попадающими ему под ноги.*

Предлагаем срочно использовать этот же способ на Дурноступе—выгнать его самого в ворота спорткружка.

Так, чтобы он очутился на улице.

Довольно хрясь-культуры!!!

ПРОФГОРДОСТЬ

Рис. Л. Г.

— Помогите мне донести пакеты—я вам заплачу.

— Где бы копеечку человеку подать, а вы—пакеты... Я, гражданка, вам не рассыльный. Я нищий.

КСТАТИ О ДЕТЯХ

В столицах — диспансеры, мед-пункты, охрана материнства и младенчества и пр. пр., а в Серпухове, по словам „Набата“—

> В доме Шапошникова по Московской улице объявилась лекарша грудных детей. „Заговаривает“ с гарантией. Инструменты у ней—*кирпич, тертый пятак, и грязная мочалка*. За „заговор“—6 руб.

Неужели же этот кирпич положен в основу здания советской медицины в Серпухове?

ДАМА С АТТЕСТАТОМ

Приехала в Свердловск из Ленинграда певица Капелли и закатила себе в газете небольшую рекламку:

> **Гостеатр имени А. В. Луначарского.**
>
> Среда, 27 мая. Состоится Единственная Гастроль артистки *Лондонских* и Ленинградских театров, знаменитого колоратурного сопрано
>
> **Елизаветы КАПЕЛЛИ.**
>
> Касса открыта ежедневно с 3 час дня. Цены доступные. Отзыв величайшего русского композитора А. К. Глазунова о Елизавете Капелли:
>
> Елизавета Капелли, благодаря своему феноменальному голосу редчайшего диапазона, буквально поражает слушателей и *ставим ее наряду* с европейскими знаменитостями, как-то Гали-Курчи, Мендироз и Пачини.

Кто и что „ставит ее“ на ряду с европейскими знаменитостями—не ясно!

Не то Глазунов, не то голос, не то сама Елизавета Капелли.

Узнав, что Капелли—артистка Лондонских театров, спешно запросили нашего специального смех-кора в Лондоне Остина Чемберлена; ответил кратко: В Лондоне не пела, не поет, петь не будет.

Стыдитесь, гражданка!

„СТРОГАЯ КРИТИКА“

> В июне Ленинградским губфинотделом будут сожжены в специальной печи все изъятые в Ленинграде мелкие разменные боны достоинством в 1, 2, 3, 5 и 50 коп. на общую сумму 1.200.000 руб.

Рис. Б. А.

— Скажите, родимый, что здесь жгут такое?
— Это, матушка, на миллион рублей бумажных денег сжигают.
— И до чего правители додумались! На эти бы деньги дров купить и бедным раздать, так нет же, лучше зря сжечь!

„ЛЕНИНИЗМ“ В ГРЯЗЯХ

„Тамбовская Правда“, сообщает, что—

> Несколько месяцев тому назад в пос. Грязи Липецкого у. одним из сельских кредитных товариществ была открыта *чайная и столовая под названием „Заветы Ильича“*.

Очевидно Грязевские власти, на вывески не смотрят, а больше под ноги. Трудно ли пьяному человеку в грязь свалиться? Только не досмотри!

А вывеска висит и поныне. Что ей делается?

КУРОРТНЫЙ ОТБОР

В „Сар. Известиях“ справедливо жалуется рабкор Ряз. Ур. ж. д. на прелесть курортного отбора:—

> Освидетельствовала врачебная комиссия желающих лечиться от ревматизма в Эльтонской грязелечебнице. Через три дня страхпункт—бац на стенку списки. Читайте: в первую очередь жена пом. нач. дороги, жена завстрахпункта, жена доктора (*мужья состояли в комиссиях*). И другие, человек около 20, жены и жены, и „работницы“ с прислугами управленских „подшишек“ и „опухолей“, людей „тяжеловесных“, с окладиками кармано-раздувающими. А для „глазоотвода“, под конец влепили в списки человек 6 мужчин служащих и 3 женщин служащих, так сказать из низов, но работницы, *помелом поведи*—не найдешь.

Не согласны с тов. рабкором. Ежели хорошенько „помелом повести“, можно будет не только найти в списках работницу, но и получить новую отборочную комиссию. А всю грязь, которая накопилась в старой комиссии, предлагаем срочно передать для нужд Эльтонской грязелечебницы. Пусть пользуются. Нам не жалко.

„ГОРЬКАЯ“ ПРАВДА О „ДНЕ

Ее сообщает „Уральский Рабочий“ (№ 114):

> Калатинский рабочий клуб. Торжественное заседание по случаю „Дня леса“: Зало переполнено детьми и взрослыми. Выходят с докладами представители окрлесотдела. Но к удивлению публики, *докладчики покачиваются из стороны в сторону, едва удерживая равновесие различными нелепыми жестами*. Оказывается, с радости, что лес дождался своего „дня“ — они хлебнули не в меру.
>
> *Коллектив очевидцев*

К таким докладчикам с „нелепыми жестами“ следовало применить один разумный жест—указать на дверь.

А коллектив очевидцев жаль: из-за самогона леса не увидели.

БЕРЕГИТЕ МОЛОДНЯК!

Этот вопль несется со ст. Кузино Пермск. ж. д., где по словам „Ур. Рабочего“ (114)

> На общем собрании пионеров о первом мае выступает комсомолец *Дудин*:
>
> Товарищи! *Мы должны перед лицом всего империализма оправдаться в тех гнусных террорах, которые производит Цанков в Болгарии. Я кончил.*
>
> Ребятишки остались сидеть с разинутыми ртами. Что такое империализм? А террор? А Цанков? Да и сама по себе мысль?

Жаль нам вас, кузинские пионеры, если вам часто приходится плясать „под эдакую дудку!

ПОТЕРЯН даром отпуск из-за хлопот по отправке на курорт.

Нашедшего просят оставить себе на память

ДЕЛО ТАБАК

За истекший год только одна Западная Сибирь выкурила 1.600.000 вед. самогона, затратив топлива в переводе на уголь 3.700.000 пуд.
(„М. Правда“, № 124).

Рис. А. Радакова

— Жена! Подай-ка еще самогону, да самоварь наставь!.. Да гляди, угли береги для его, а то уж и так в газетах обижаются: насчет угля дескать бесхозяйственно живем!

ЧЕЛОВЕК С НАГРУЗКОЙ

Эх, поздно, я со своим рассказом сунулся! Кажись брачную-то реформу уж утвердили? А надо бы туда еще один малюсенький пунктик присобачить. Один самый мелкий параграф разъяснить. Потому, теперь этот мелкий параграф уж очень часто в жизни встречается. А никто не знает, как в таких случаях поступать.

Да вот, недалеко ходить. Возьмем, например, из жизни Василия Ивановича Серегина. Он, как известно, на Пивоваренном работает. Ежедневно две бутылки пива даром и жалованье—сорок пять целковых.

И хотя, скажем, семья имеется — жена с младенцем, а жить можно. Хватает.

Только раз приходит Серегин Василий Иванович домой и говорит жене с младенцем:

— Ну-с, — говорит, —друзья, хорошего понемножку. Пожили вместях и будет. Вы налево, я направо. И через суд алименты... Воспитывайте моего младенца на эти алименты лучше, пущай он вроде меня будет—передовым товарищем.

Подала жена в суд. Стали по суду брать с Серегина на младенца третью часть жалованья—пятнадцать целковых.

Стал теперь Серегин получать тридцать.

— При бесплатном,—думает,—пиве, и если не курить, этого за глаза хватит. И даже вслучае ежели чего—жениться опять можно.

И вскоре, действительно, Серегин Василий Иванович женился. Миловидную, такую, барышню взял. И к лету от нее младенца прижил.

Прижил младенца, и говорит, своей миловидной супруге:

— Человек, — говорит, — я передовой. Мещанство для меня нож вострый. И вообще, — говорит, — пеленки мне не охота нюхать... Вы налево, я направо. И через суд алименты.

Присудили на младенца третью часть жалованья.

Стал Серегин Василий Иванович, пятнадцать получать.

— При бесплатном,—думает,—пиве и если ничего не жрать, то оно и хватит.

А тут еще на жизненном пути гражданка подвернулась. Носатенькая такая брюнеточка.

Серегин думает:

— Жениться не напасть, как бы после не пропасть. Женюсь все-таки.

Взял и женился на носатенькой. А она теперь на последнем месяце в капоте ходит.

Василий Иванович хотел с ней развестись немедленно, да не тут-то было.

Ходит теперь человек, башку чешет и все удивляется.

— Милые,—говорит,—товарищи! Да, ведь, я теперь-то и развестись не могу. Придется мне теперь с носатенькой всю жизнь трепаться.

— А что?—спрашивают.

— Да какже,—говорит,—милые товарищи! Ну, хорошо, ну разведусь я, скажем, с носатенькой. Ну, возьмут с меня остатние пятнадцать рублей... А я-то, что, человек или дырка? Я-то обязан жрать? Или мне прикажете пиво лакать без закуски?.. Ведь, это что-же такое, братцы? Ведь, это выходит, что человек больше трех раз и жениться не моги...

Все руками разводят и башками крутят. И никто не знает, как из этого немыслимого положения выйти.

Один человек, впрочем, знает. Это сам Василий Иванович. Он говорит:

— Пущай тогда мне платят за нагрузку, чорт с ним!

М. Зощенко

НА УГЛУ.

— А это у вас настоящие минеральные воды?

— Не сомневайтесь: даже вон для цвету краска и та каменноугольная пущена.

ВКУСНОЕ.

— У вас свежие раки?

— Помилуйте-с. Сейчас, можно сказать, только с утопленников сняты.

КУРОРТНОЕ.

На курортах все места распределены до осени.

— Ну-с! Комиссия нашла у вас острый ревматизм!

— Покорнейше благодарим! Заодно поищите, пожалуйста, и место на курорте!

БАРОМЕТР.

— А осадки по вашей местности часто бывают?

— Не особенно. Хотя еще позавчера вон тот дом осел и даже трещину дал!

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ.

Один растратчик, увидав капли сырости на стене исправдома, спросил:

— А это что за капли?

— Это тюрьма по вас плачет,—ответили ему.

НА КОМИССИИ.

Доктор. Вы говорите, что не можете отбывать военной службы, потому-что вы левша?

Свидетельствуемый. Так точно, тов. доктор—на обе руки!

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА.

На крыше Физис-Терапевтического Института Наркомздрава на высоте 7 этажа устраивается т. наз. „солярий“, т. е. площадка для лечения солнцем.

Рис. Н. Радлова.

Строили солярий—

а получилась водолечебница.

Что-же касается солнца — то если вы заглянете на следующую страницу, вы убедитесь, что

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

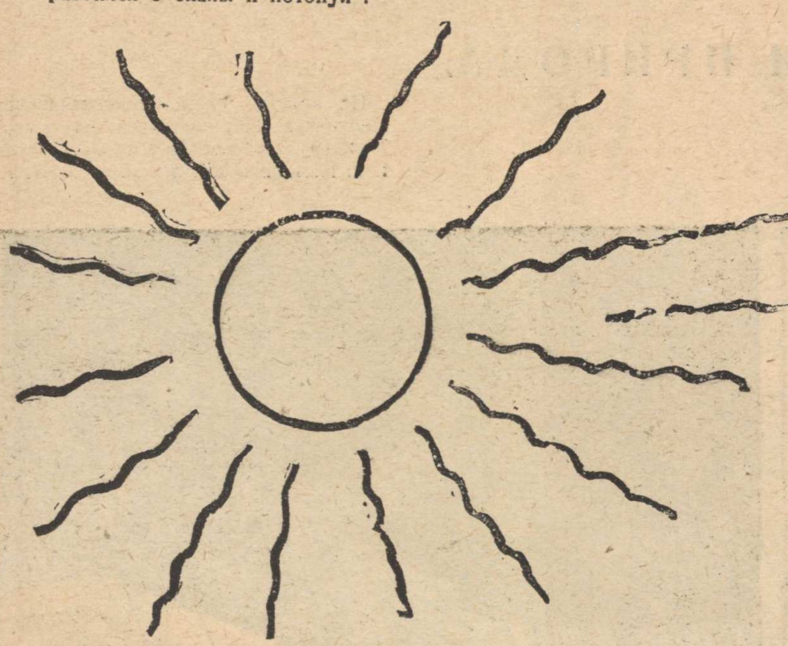
ДОНЛИТ-ЛИТЕРАТУРА

В Ростовской газете „Молот“ приведены образцы кино-либретто, услужливо предлагаемых ростовцам при посещении кино: —

— „В 1895 г. корабль снаряженный дочерью Варджис на поиски профессора, достичь берегов Занзибара, в 200 милях южнее возник пожар“...

— „Морган принимает все силы к завладению недостающего кускам“...

— „Единственный спутник спасшийся Корэ, это молодой шкипер парохода, последнего постигла ужасная судьба, ночью он упал в яму и был расстерзан ягуаром, 1890 году корабль „Виктория“ разбился о скалы и потонул“.

солнце там, где ему и полагается быть: на 14 странице, за тучей. И ошибка только в том, что физио-терапевты не на той странице солярий построили!

Внизу, под текстом—пикантная „приписка“:

Донлит. Заказ № 129.

Скромно предлагаем при Донлите организовать пункт по ликвидации неграмотности под сокращенным названием: *„Донлит ликбез“*.

ИЗЖИВЕМ НЕДОСТАТКИ

Много недостатков можно подметить в экскурсионном деле, но утренняя „Красная Газета“ (№ 130) отмечает один из самых существеннейших:—

что организуемые губпрофсоветом загородные экскурсии не всегда удовлетворяют рабочего. Часто они проходят натянуто, скучновато.

Одной из причин является то, что экскурсии составляются с разных заводов. Не будучи знакомы между собой, экскурсанты ведут себя *прилично*, принужденно.

Чего доброго именуют друг друга, приличия ради, по имени, отчеству, вместо того, чтобы непринужденно именовать по родителям.

И главное:—никакой „физкультуры“, одна—болтовня!

Общими усилиями, товарищи, изживем и этот недостаток!!

„РАССТОЯНИЕМ НЕ СТЕСНЯЮТСЯ“

От „Красной Газеты“ утренней не отстает и вечерняя. В № 146 некто П. Сергеенко, не находя собственных слов и красок, чтобы восхвалить Евпаторию, притягивает сюда за волосы... самого Гете.

Знай Гете о чудесных свойствах Евпатории, и он, быть может, при других условиях вложил бы в уста Фауста ликующий призыв:
— Остановись, мгновенье! Ты—прекрасно!..

А по нашему: что Гете! Шекспира надо было притягивать, а не Гете!

Знай Шекспир о чудесных свойствах Евпатории, и он, быть может, до другому поводу вложил бы в уста Гамлета мучительный вопрос:

— Быть или не быть? А если быть—
То только в Евпатории на пляже
Рекламным указателем ее
Целительных отличий и достоинств!

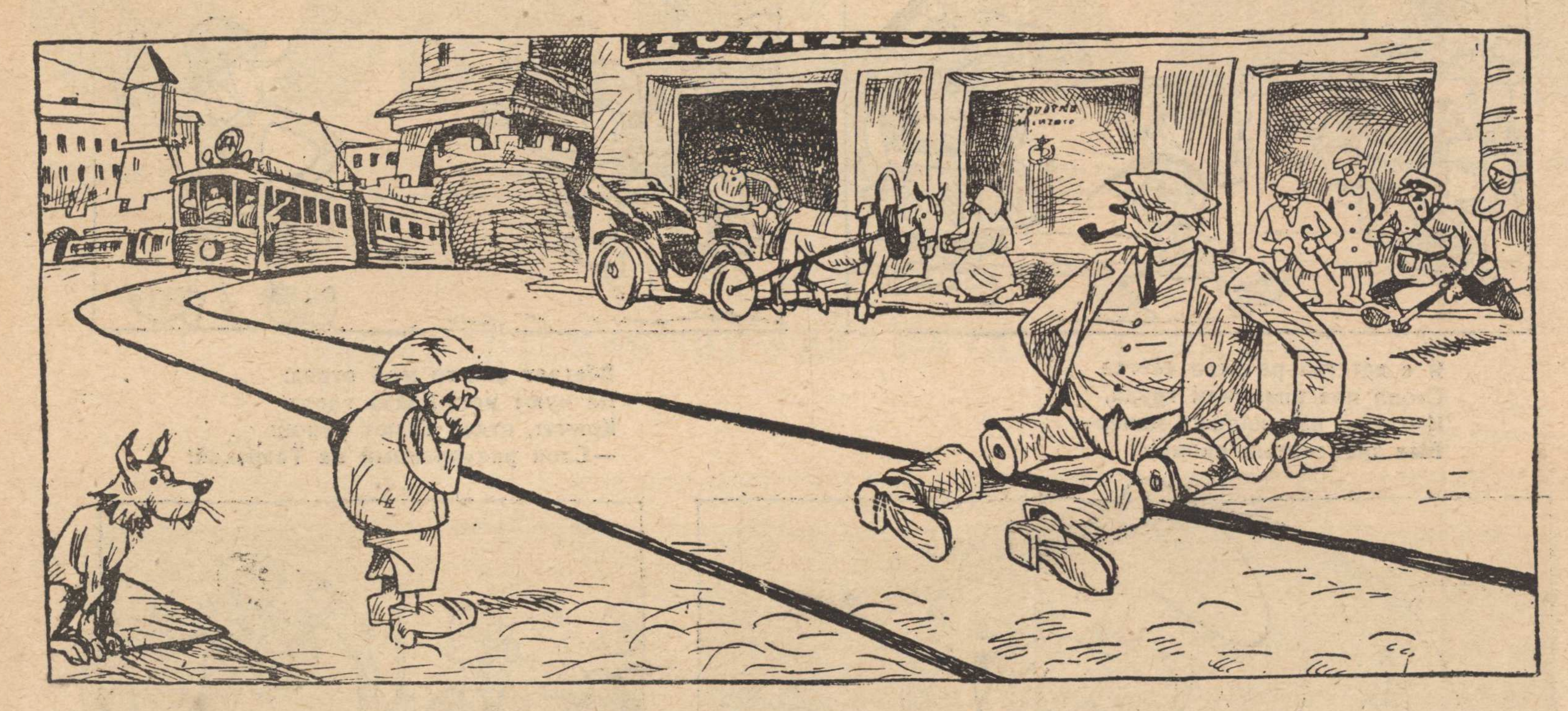
Воспользуйтесь мыслишкой, гр-н Сергеенко!

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. С. АНДРЕЙЧИК.

В САМОМ ДЕЛЕ

Рис. Б. Антоновского.

Безобразие у нас доходит до того, что граждане ложатся на мостовую и отдыхают.
(Доклад об уличном движении).

— Ишь, черти, порядков не знают! Есть такое правило, чтобы по правой руке ездить, а они норовят, не только по руке, а и по всему туловищу, не говоря уже о ногах!

П О Б И Л.

— В нашей волости по осьмушке лошади на душу...
— Это, что!.. У нас вот по одной двадцатитысячной врача на душу!

БРЮЗГА

Служил Брюзга в тресте, получал двести, наживал тысячи, проворовался и оказался в бесте: не у дел.

Говорит жене Пустельге:

— Теперь мы, дорогая, остались на полном хозрасчете!... Будем понемногу жить-поживать, добро проживать...

Дает своей жене денег в обрез, а сам приговаривает:

— Главное не транжирь, пуще всего экономь! Ты ж у меня Пустельга Никчемушная... Ежели я помру допрежь тебя тогда ты с голоду ноги протянешь.

Изо дня в день, из ночи в ночь Пустельгу поучал походя, постоя, посидя.

Худела Пустельга — экономила: не допьет, не доест, а съэкономит.

Брюзга не унимается, жену донимает:

— Напирай Пустельгушенька на полное сокращение расходов!.. Сама знаешь — ежели помру раньше тебя, каюк тебе в одночасье и крышка.

Чахла помаленьку Пустельга, чахла потихоньку, пока не сдохла.

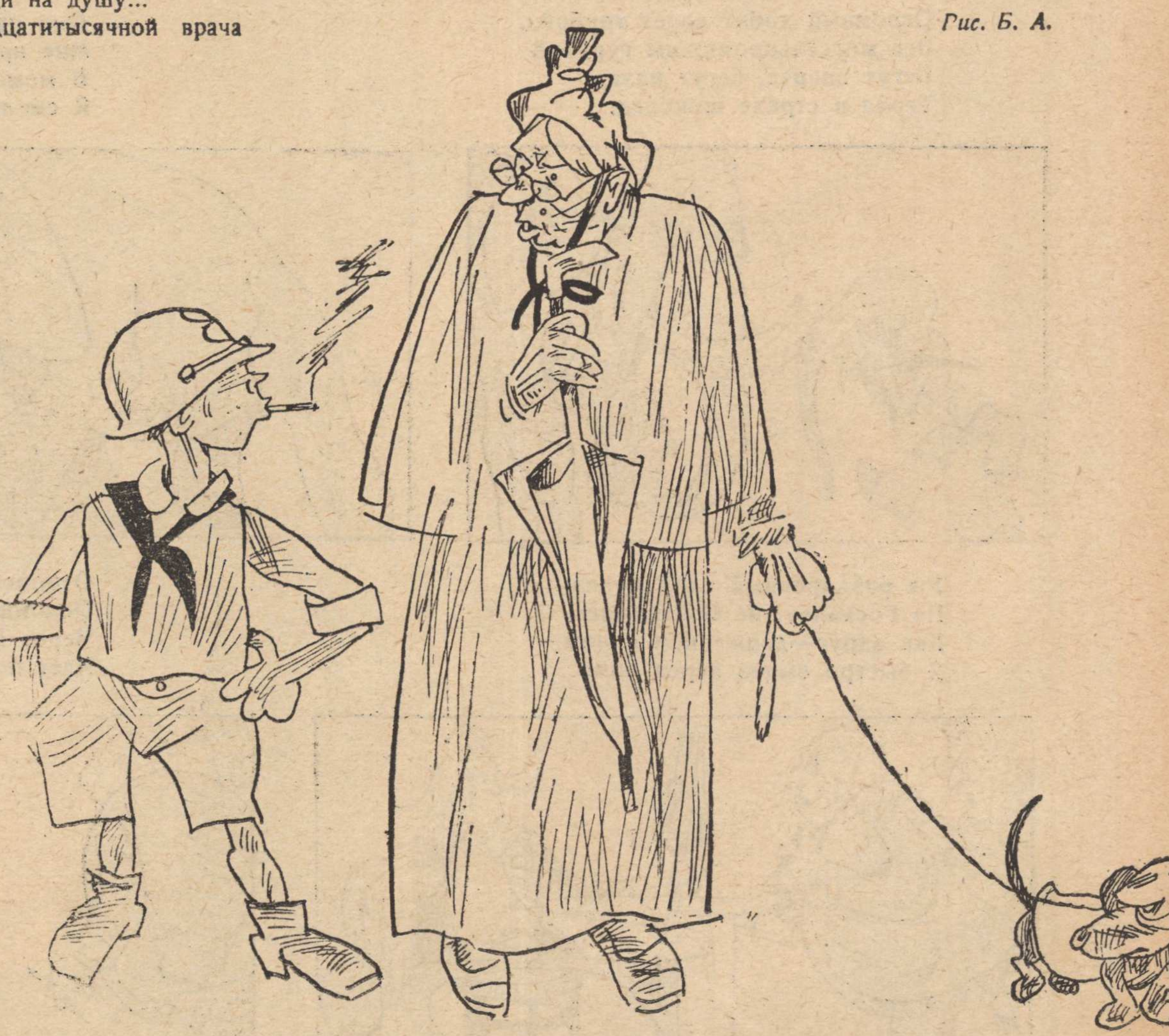
Хоронил Брюзга Пустельгу, а сам отшептывал:

— Экая бабенка расточительная!.. Дома померла, а нет чтобы безвестно-безадресно, под забором при чужой калитке... Схоронили бы тогда покрайности на милицейский счет... Я всегда утверждал: и дня бы ей Пустельге не прожить, ежели бы я допрежь ее скочурился.

Полярный

СТРОГИЕ НРАВЫ

Рис. Б. А.

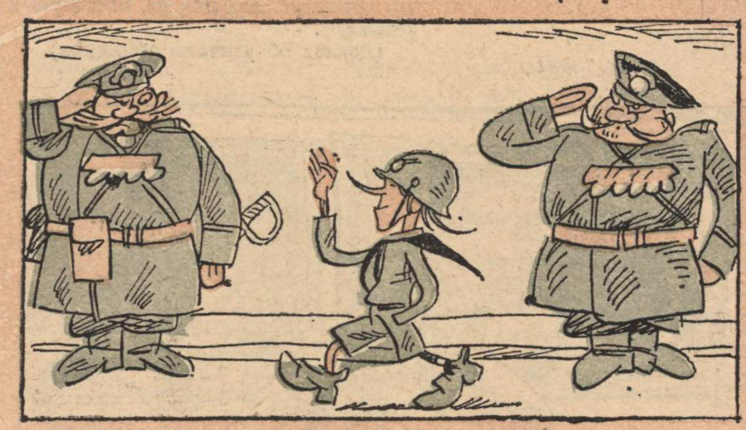
— Ты чего куришь, постреленок! Вот скажу отцу...
— А я вашему мужу скажу, что вы на улице к посторонним мужчинам пристаете!

Издатель: „ГУДОК"   Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

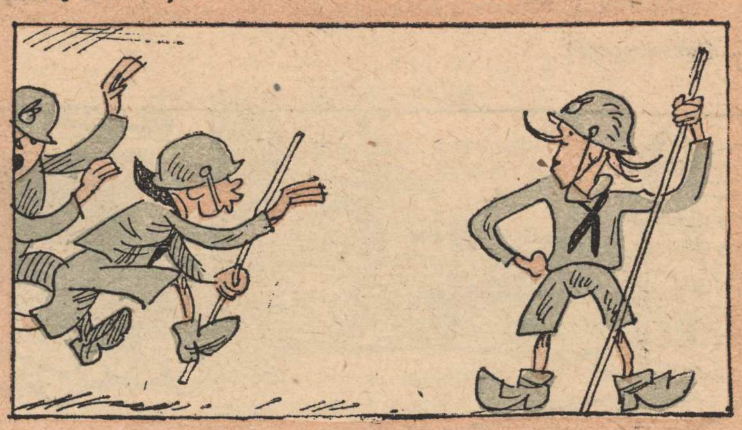
Ленинградский Гублит. № 13.623   Типография "Инвалид Печатник" Ленинград, Улица Воинова, 26.   Тираж 60.000

ДЕТСТВО ЕВЛАМПИЯ НАДЬКИНА

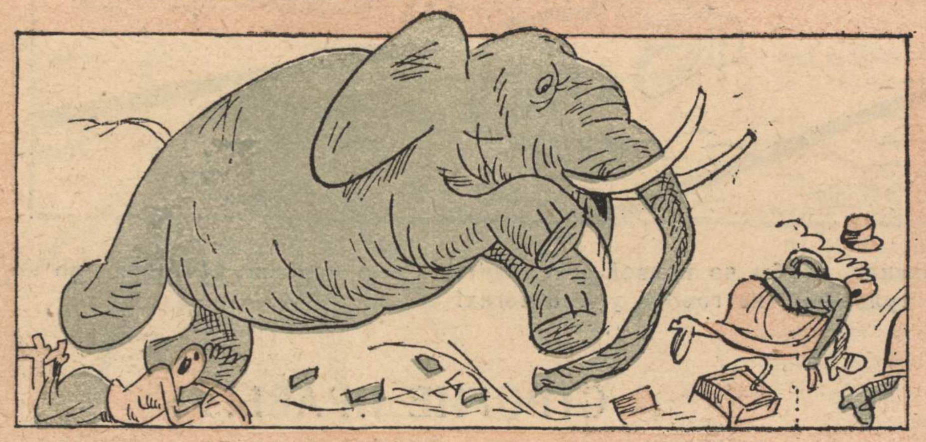
Текст А. д'Актиля. (С примечаниями редакции „Смехача") *Рис. Б. Антоновского.*

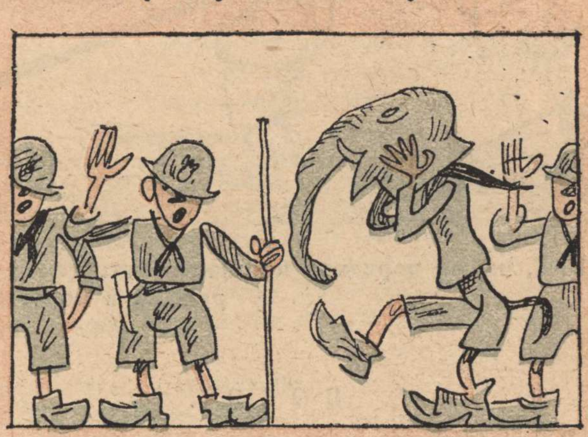
Я с детства раннего всегда
Стоял под знаменем труда,
И—чужд изысканных манер—
Был знаменитый пионер.

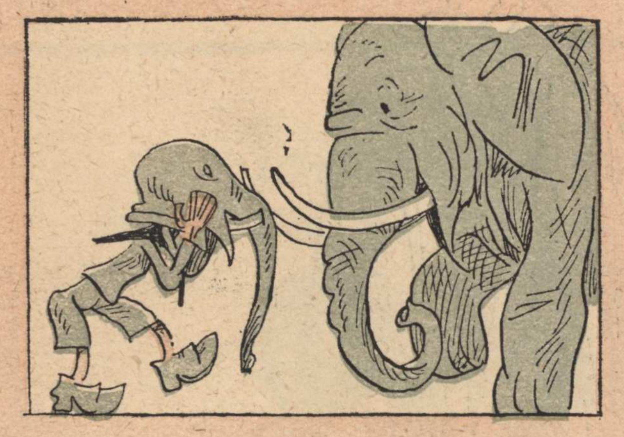
Вбегает как-то мой отряд:
Не чуют ног! Глаза горят!
Кричат, отдав салют рукой:
—Слон разъяренный на Тверской!

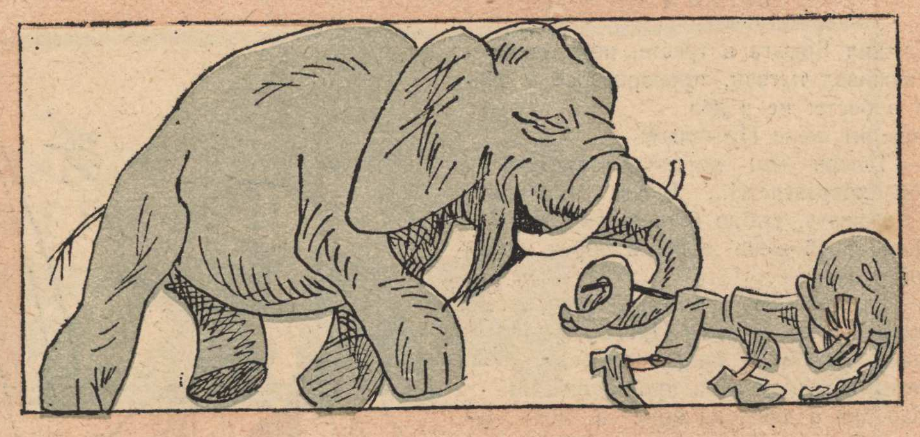
Огромный хобот вздет трубой...
Все моссельпромщицы гурьбой
Бегут вперед, бегут назад,
Теряя в страхе шоколад.

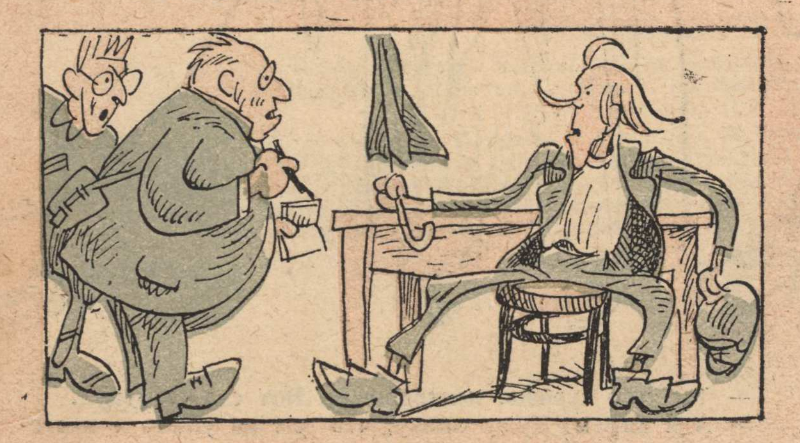
Они орут—я не ору.
Мне приключенье по нутру!
В момент, слоненком наряжон
Я смело лезу на рожон.

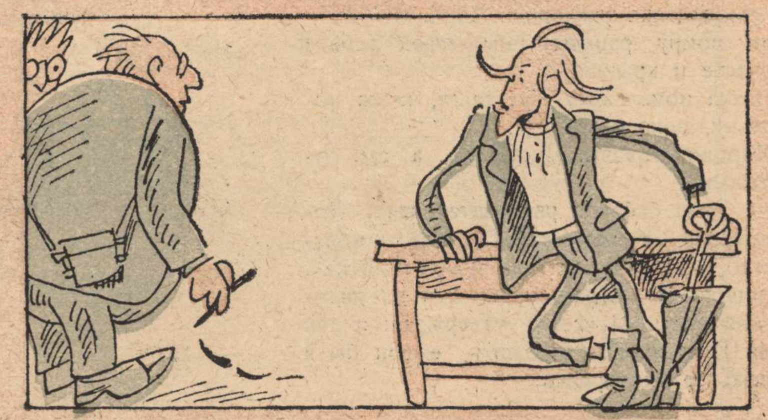
Уж разъяренный слон полез
На Госхалву, на Костромлес,
Как вдруг—движением одним—
Я быстро вылез перед ним!

Отцовской нежностью пленен,
Огромный грузный старый слон
Через Пруды, через Посад
Идет послушно в Зоосад.

— Послушайте, Надькин! Да тогда еще пионеров не было! Моссельпрома не было! Госхалвы не было! Костромлеса не было!

— Вы еще скажете, может-быть, что и Евлампия Надькина не было!!